

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343

*М. Ю. Павлик, Е. В. Токарева,
О. Р. Шепелева*

Сущность ограничений и запретов, налагаемых на обвиняемого, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста

В статье рассматриваются проблемные аспекты, связанные с уголовно-процессуальным урегулированием избрания меры пресечения в виде домашнего ареста и сущности ограничений и запретов, налагаемых при этом. Также речь идет о проблемах, связанных с осуществлением контроля за соблюдением данной меры пресечения.

The article deals with problematic aspects related to the criminal procedure regulation of the election of a preventive measure in the form of house arrest and the essence of restrictions and prohibitions imposed in this case. Also, we are talking about problems related to monitoring compliance with this measure of restraint.

Ключевые слова: обвиняемый, предварительное расследование, правовое положение, участник, уголовное судопроизводство, уголовное дело, суд, следователь, дознаватель, мера пресечения, домашний арест.

Key words: accused, preliminary investigation, legal status, participant, criminal proceedings, criminal case, court, investigator, investigator, preventive measure, house arrest.

Развитие гуманистических и демократических начал в уголовном судопроизводстве требует обращения к тем мерам и средствам принуждения, которые, с одной стороны, преследовали цель реализации назначения уголовного судопроизводства, с другой – в наименьшей степени ограничивали бы права и свободы личности. Такой подход наиболее актуален по отношению к такой мере пресечения, как домашний арест.

Ядро домашнего ареста составляет его содержание, т. е. те ограничения и (или) запреты, которыми подвергается лицо при применении данной меры пресечения. С учётом сказанного, важно определить, что следует понимать под этими понятиями. Запретить означает «не позволить что-нибудь делать», ограничить – «стеснить определенными условиями, поставить какие-нибудь рамки, границы». Ограничение – «правило, ограничивающее какие-нибудь действия, права» [1].

В.А. Светочев полагает, что запрет имеет более жёсткую форму, при которой лицо в общем и целом теряет право на совершение определённых действий, а ограничение по форме более эластично и позволяет совершение действий, которые подлежат запрету в указанных пределах и при наличии известных обстоятельств [2].

Следует отметить, что стоит обратить внимание на возможность частичной или полной изоляции лица. При этом существует мнение, что в таком случае можно утверждать о том, что на настоящий момент существуют две меры пресечения: домашний арест с полной изоляцией лица от общества и «мера, состоящая в ограничении свободы передвижения и общения подозреваемого, обвиняемого». При этом абсолютная идентичность регламентации и последствий представляется другими учёными-процессуалистами несправедливой [3].

Возникает вопрос, а разве все вышеперечисленные меры не являются ограничениями, за исключением запрета выезжать за пределы города? Ведь суд только ограничивает, т.е. очерчивает определенные рамки дозволенного поведения. Так, лицо лишь ограничено в свободе передвижения, так как может посещать и медицинские учреждения, и магазин (что характерно суд не указывает, сколько по времени лицо может находиться вне места реализации домашнего ареста). В общении лицо ограничено только с участниками процесса по делу.

Суд при принятии решения о том, какие именно лишения должно претерпевать лицо, принимает во внимание его личность, фактические обстоятельства дела, а также тяжесть совершенного деяния. Эти ограничения могут быть изменены по ходатайству следователя, дознавателя, подозреваемого, обвиняемого, их защитников и законных представителей.

Д.А. Воронов предлагает классифицировать ограничения на запрет права покидать жилище и ограничение права на коммуникацию, причем он утверждает, что первое ограничение должно быть обязательным, остальные (факультативными) [4].

Одни учёные-процессуалисты полагают, что установленный законодателем перечень запретов и ограничений недостаточен, и его исчерпывающий характер необоснован, поэтому предлагают дополнить статью о домашнем аресте пунктом, который бы предусматривал «иные запреты» для большей индивидуализации ограничений при данной мере пресечения [5].

Другие отдельные учёные-правоведы также указывают на то, что важным является подразделение правовых форм реализации домашнего ареста. Они приводят такую классификацию: правовой режим полной изоляции, правовой режим частичной изоляции, правовой режим, предусматривающий применение средств электронного контроля и не предполагающий применения данных средств [6].

Ранее законодатель однозначно определял, что ограничения связаны со свободой перемещения, а к запретам относятся контакты с определенными лицами, получение и отправка корреспонденции, а также проведение переговоров с использованием других средств связи. Соответственно в предыдущей редакции УПК РФ был предусмотрен более строгий перечень именно запретов. Следовательно, в настоящее время суд может по всем предусмотренным ограничениям принять процессуальное решение только об ограничении, а не о запрете осуществлять определенную деятельность. Вместе с тем, на наш взгляд, можно считать удачным указание на то, что относительно выхода из жилого помещения законодатель предусмотрел возможность именно запрета, а не только ограничения передвижения, поскольку по смыслу данной меры пресечения следовало бы запретить в целом покидать жилище, иначе домашний арест превращается в другую меру пресечения, например в подписку о невыезде с дополнительными запретами и ограничениями.

Многие авторы придерживаются точки зрения о том, что изоляция от общества, от любых контактов с внешним миром являются обязательной характеристикой домашнего ареста [7]. При этом в качестве аргументов данной позиции приводят суждения о том, что в случае посещения лицом мест, связанных с образовательной, медицинской системой, дозволение ему продолжать исполнять служебные обязанности не позволяет установить реальность исполнения меры пресечения и затрудняет контроль за ее реализацией [8]. Д.А. Воронов считает, что домашний арест не должен предоставлять права выхода за границы жилого помещения. В качестве замены существующей на данный момент практики частичной изоляции он предлагает закрепить меру пресечения «запрет или ограничение определенных действий», который бы не запрещал лицу покидать жилое помещение, а реализация

других ограничений контролировалась бы электронными средствами, тождественными тем, что применяются при домашнем аресте [9].

Более логичным нам видится то, что домашний арест как мера пресечения должен отличаться от заключения под стражу только местом реализации, ибо вместо дорогостоящего для государства содержания лица в следственном изоляторе предоставляется возможность перенести место исполнения меры пресечения в место жительства лица.

Суд при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста обязан решить вопрос о возможности лица, осуществлять прогулки (в соответствии с ч.3 ст.7 Конституции РФ «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь»).

Вместе с тем Постановление Пленума Верховного суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», устанавливая возможность покидать жилое помещение для прогулок, для посещения учебного учреждения и суда, должен определить, в какие периоды дня и сколько по продолжительности могут занимать данные действия. Представляется, что такое положение даёт суду возможность довольно расширительно толковать указанное положение, т. е. по усмотрению суда прогулки могут занимать как, например, 1 час в день, так и, допустим, 3–4 часа.

В соответствии с практикой применения данной меры пресечения суд часто указывают на запрет «покидать без разрешения органов следствия и суда постоянное место жительства, кроме случаев посещения медицинских учреждений по медицинским показателям, ближайшего к месту жительства продовольственного магазина, правоохранительных органов, прокуратуры и суда по повесткам», т. е. в постановлении суда не определено время посещения данных мест. Иначе говоря, лицо, к примеру, могло бы находиться вне места реализации меры пресечения более двух часов, мотивируя это нахождением в магазине или медицинском учреждении. Суд может в итоге не устанавливать строгих ограничений по времени и определить промежутки, в течение которых лицо может покидать жилое помещение.

Таким образом, предлагаем изложить ч. 9 ст. 107 УПК РФ в следующей редакции: «В решении суда об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста указываются условия исполнения этой меры пресечения (место, в котором будет находиться подозреваемый или обвиняемый, срок домашнего ареста, время, в течение которого подозреваемому или обвиняемому разрешено находиться вне места исполнения меры пресечения в виде

домашнего ареста; запреты и (или) ограничения, установленные в отношении подозреваемого или обвиняемого; места, которые ему разрешено посещать. Отдельно должно быть определено время для прогулок (не более одного часа в сутки), а также территория, в пределах которой должно находиться лицо» [10].

При этом ни в УПК РФ, ни в постановлении Пленума Верховного суда РФ не указано, как осуществлять контроль за лицами во время их пребывания вне жилища, и как в таком случае обеспечить исполнение предписаний об ограничении контактов с теми или иными лицами, использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В п. 10 ч. 1 ст. 5 УПК РФ даётся такое определение жилища: «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания».

В п. 38 Постановления Пленума Верховного суда «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» даётся понятие жилого помещения – «любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям» [11].

Если толковать уголовно-процессуальный закон буквально, то можно сделать вывод о том, что при реализации меры пресечения в виде домашнего ареста, лицо должно находиться либо по месту проживания на законных основаниях, либо по месту прохождения лечения.

Возникает вопрос о порядке определения места проживания: будет ли это место регистрации лица или место фактического проживания. В п. 37 Постановления Пленума Верховного суда «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» указано, что должностное лицо обязано проверить основания проживания в жилом помещении. В качестве примера приводится наличие договора найма и срок его действия или при временной регистрации на территории РФ установление соответствия места регистрации месту проживания и срок действия регистрации.

А.В. Миронова считает, что должностное лицо должно совершить целый ряд действий, направленных на установление реальности проживания лица по месту регистрации: провести осмотр жилого помещения, допросить соседей и т. д. [12].

Т.Ю. Галыгина и Е.И. Шигурова полагают, что мнение лиц, которые проживают вместе с лицом, не должно учитываться судом при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения, так как это не затрагивает права и свободы этих лиц [13].

Вместе с тем другие авторы не согласны с данной позицией и считают, что права и свободы данных лиц могут затрагиваться при реализации данной меры пресечения, например, когда для осуществления контроля за лицом ведётся запись телефонных переговоров [14].

Если обратиться к вышеуказанному постановлению Пленума Верховного суда, можно сделать вывод о том, что хотя лица, которые проживают совместно с обвиняемым (подозреваемым), не привлекаются должностным лицом для получения их согласия на установление указанных ограничений, связанных с пребыванием субъекта под домашним арестом в их общем жилом помещении, они вправе обжаловать судебное решение об избрании домашнего ареста в виде меры пресечения, при наличии доказательств, что ее исполнение затрагивает их права и законные интересы.

Ограничения и запреты, связанные с общением с определенными лицами, могут исходить из того, что лицо может угрожать другим лицам, которые принимают участие в уголовном судопроизводстве по делу, а также в попытках установить контакт с соучастниками, передать им сведения, которые не подлежат разглашению, так как это может помешать процессу расследования и разрешения по существу уголовного дела.

Так, В.В. Климов вполне обоснованно считает, что в постановлении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста суд должен конкретно указывать перечень лиц, с которыми запрещено общаться обвиняемому (подозреваемому). Он считает, что закрепление запрета об общении с лицами, у которых аморальный образ жизни, являющихся ранее судимыми, злоупотребляющими спиртными напитками и незаконно употребляющими наркотические средства, не является эффективным, так как представляет сложности при осуществлении контроля их исполнения [15].

Суды расходятся в практике при применении данного ограничения. Так, некоторые суды указывают на запрет общаться вообще с кем-либо, за исключением близких родственников.

С учётом сказанного, полагаем, что в данном случае необходимо изменить п. 2 ч. 7 ст. 107 УПК РФ и изложить его в следующей редакции: «2) общение со всеми лицами, являющимися обвиняемыми (подозреваемыми), потерпевшими, свидетелями, а также их родственниками, по уголовному делу, в рамках которого избирается настоящая мера пресечения, и иными лицами».

Следующим ограничением является получение и отправление почтово-телеграфной корреспонденции. Федеральным законом от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи» регулируются общественные отношения в сфере почтовых и телеграфных отправлений. В данном нормативно-правовом акте указано, что под почтовым отправлением понимается адресованная письменная корреспонденция, посылки, прямые почтовые контейнеры. Под письменной корреспонденцией подразумеваются простые и регистрируемые письма, почтовые карточки, секограммы, бандероли и мелкие пакеты. Термин «телеграфное отправление» или сообщение не предусмотрен законодателем.

Довольно спорны решения судов об ограничении в использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Так, если суд вводит ограничение на использование данного ресурса, то он должен указать, в чём конкретно лицо ограничивается. Вместе с тем на практике встречаются случаи, когда суд просто указывает на то, что лицо ограничено в использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», но не раскрывает перечень ограничений. Возникает вопрос, в данном случае суд имеет в виду запрет в использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или не указывает ограничений, что является их отсутствием.

А.В. Квык указывает на то, что даже при наличии в помещении аудиовизуальных средств контроля не обеспечивается в полной мере реализация запретов и ограничений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», потому что невозможно определить, какие именно действия осуществляет за компьютером лицо, так как возможности беспроводного соединения Wi-fi позволяют подключиться к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» из любого участка помещения [16].

Также следует отметить, что для осуществления контроля за соблюдением запретов и (или) ограничений на отправку почтово-телеграфных отправлений, использования информационно-телекоммуникационной сети

«Интернет» необходимо наличие возможности получать информацию об этих действиях. Таких полномочий ФСИН РФ законодателем не предоставлено.

Таким образом, учет правоприменителем вышеизложенных рекомендаций по применению домашнего ареста будет способствовать, на наш взгляд, успешному решению задач уголовного судопроизводства, закрепленных законодателем в ст. 6 УПК РФ.

Список литературы

1. Светочев В.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: моногр. – Калининград: Калинингр. ЮИ МВД РФ России, 2010. – С.56.
2. Муравьев К.В. Оптимизация законодательства о мерах пресечения // Рос. следователь. – 2017. – №2. – С.30.
3. Воронов Д.А. Домашний арест как мера безопасности: состояние и перспективы развития // Изв. АлтГУ. – 2013. – №2 (78). – С.87.
4. Климов В. В. Проблемы применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России // Вестн. БГУ. – 2011. – №2. – С.245.
5. Колоскова С.В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 28.
6. Шамсутдинова Р.З. Процессуальные особенности применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия Экономика и право. – 2013. – №2. – С.201.
7. Миронова А.В. Вопросы ограничения личной свободы в связи с применением домашнего ареста // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2014. – № 10. – С.106.
8. Галыгина Т.Ю., Шигурова Е.И. Домашний арест: проблемы теории и практики применения действующего законодательства // Огарёв-Online. – 2016. – №13 (78). – С.2.
9. Квык А.В. Процессуальные аспекты установления ограничений на использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в рамках меры пресечения в виде домашнего ареста и проблемы их исполнения: сб. науч.-практ. тр. – 2016. – №2. – С.82.
10. Ермасов Е.В., Бурмакин Г.А., Габараев А.Ш. Вопросы совершенствования и практика реализации меры пресечения в виде домашнего ареста в деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Уголовное право. – 2016. – № 1. – С.135.
11. Афанасьев М.Ф. Осуществление контроля за подозреваемым и обвиняемым при избрании к ним меры пресечения в виде домашнего ареста // Ведомости уголовно-исполнительной системы: информ.-аналит. журн. – 2016. – №9 (172). – С. 40.

12. Бурмакин Г.А., Габарева А.Ш. О некоторых проблемах применения электронных средств контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения пресечения в виде домашнего ареста // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – №1(176). – С.7.

13. Колбасова Е. В. Механизм применения электронных средств контроля и надзора за осужденными к ограничению свободы // Юрид. наука. – 2011. – № 3. – С.55.

14. Меры пресечения, не связанные с изоляцией подозреваемого, обвиняемого: науч.-практ. пособие / С.И. Данилова, Г.В. Костылева, И.Е. Муженская, О.И. Цоколова. – М.: ФГКУ ВНИИ МВД России, 2012. – С.43.

15. Романова С.В. Практика применения электронных браслетов: история и современность // Концепт. – 2015. – №2. – С.4.

16. Овчинников Ю.Г. Практика использования средств персонального контроля при применении домашнего ареста // Рос. следователь. – 2014. – № 16. – С.55.

Статья поступила 10.03.2020 г.